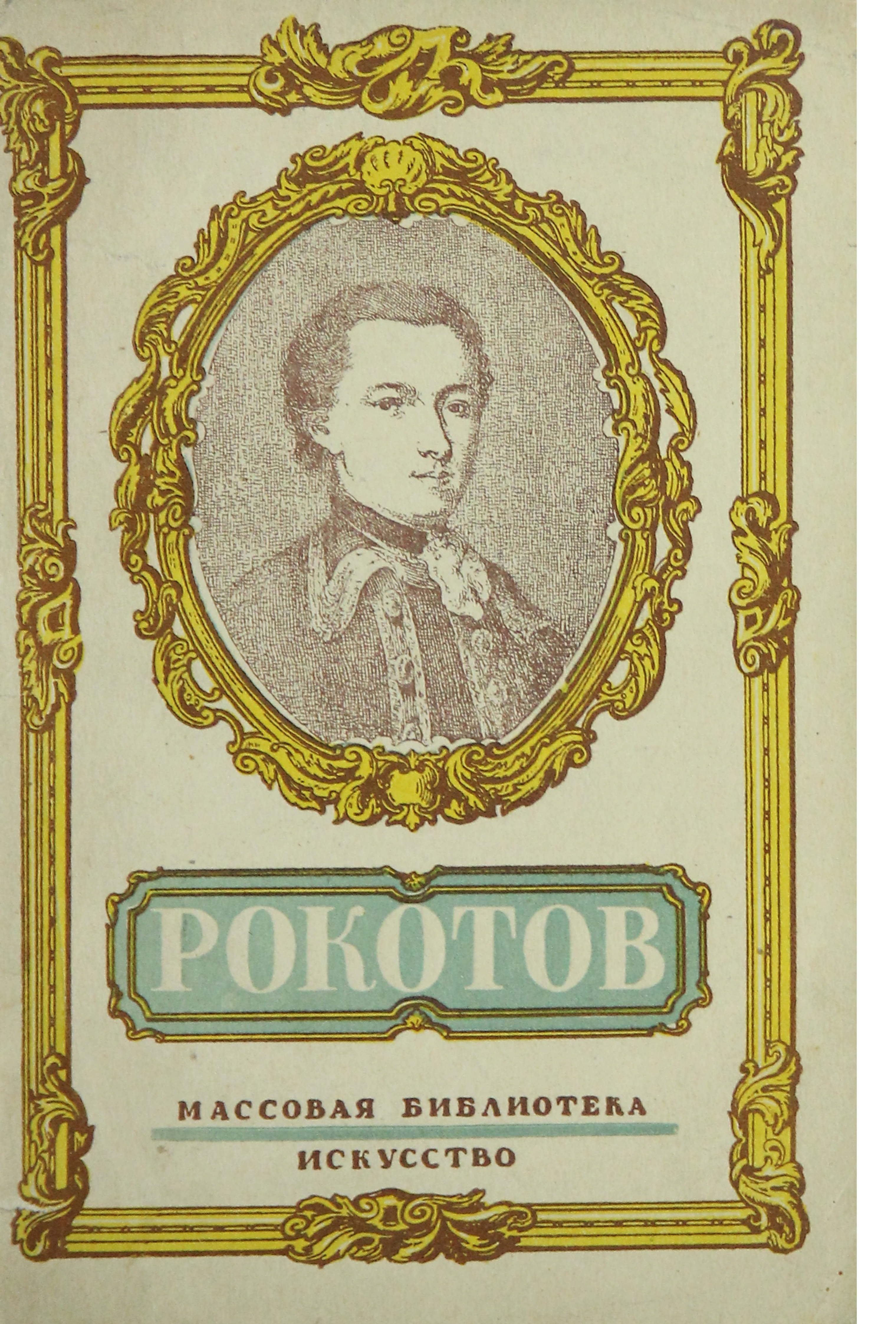

РОКОТОВ
МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА
ИСКУССТВО

№ 130

[illegible]

Портрет Новосильцовой

А. В. ЛЕБЕДЕВ

ФЕДОР СТЕПАНОВИЧ
РОКОТОВ

РУССКИЙ ХУДОЖНИК
XVIII ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО"
Москва 1945 Ленинград

Редактор *А. Леонов*

А13744. Подп. к печ. 1/II 1945 г.
„Искусство" № 10290. Кол. печ. л. $^{3}/_{4}$. Уч.-изд. л. 1. Зн. в 1 п. л. 53570. Тираж 15000. Зак. № 1839.

Цена 1 руб.

Типография „Красный печатник". Москва, ул. 25 Октября, дом 5.

Редко бывает так, чтобы человек, пользовавшийся большой и вполне заслуженной славой у современников, так почти начисто исчезал из памяти потомков, как это произошло с Рокотовым.

Исследователи XX столетия приняли на себя немалый труд: они просмотрели огромное количество архивных документов в поисках редчайших строчек, говорящих о Рокотове; разыскали и обследовали сотни полотен, подлинно рокотовских или мало-мальски похожих на них; критически проверили неизвестно откуда взявшиеся фантастические сведения о Рокотове, возникшие в XIX веке и отчасти еще повторяющиеся до наших дней. В результате работ, проведенных над выявлением жизни и деятельности Рокотова, уже возник, правда еще во многих частях неясный, но достаточно правдоподобный и привлекательный его облик.

* * *

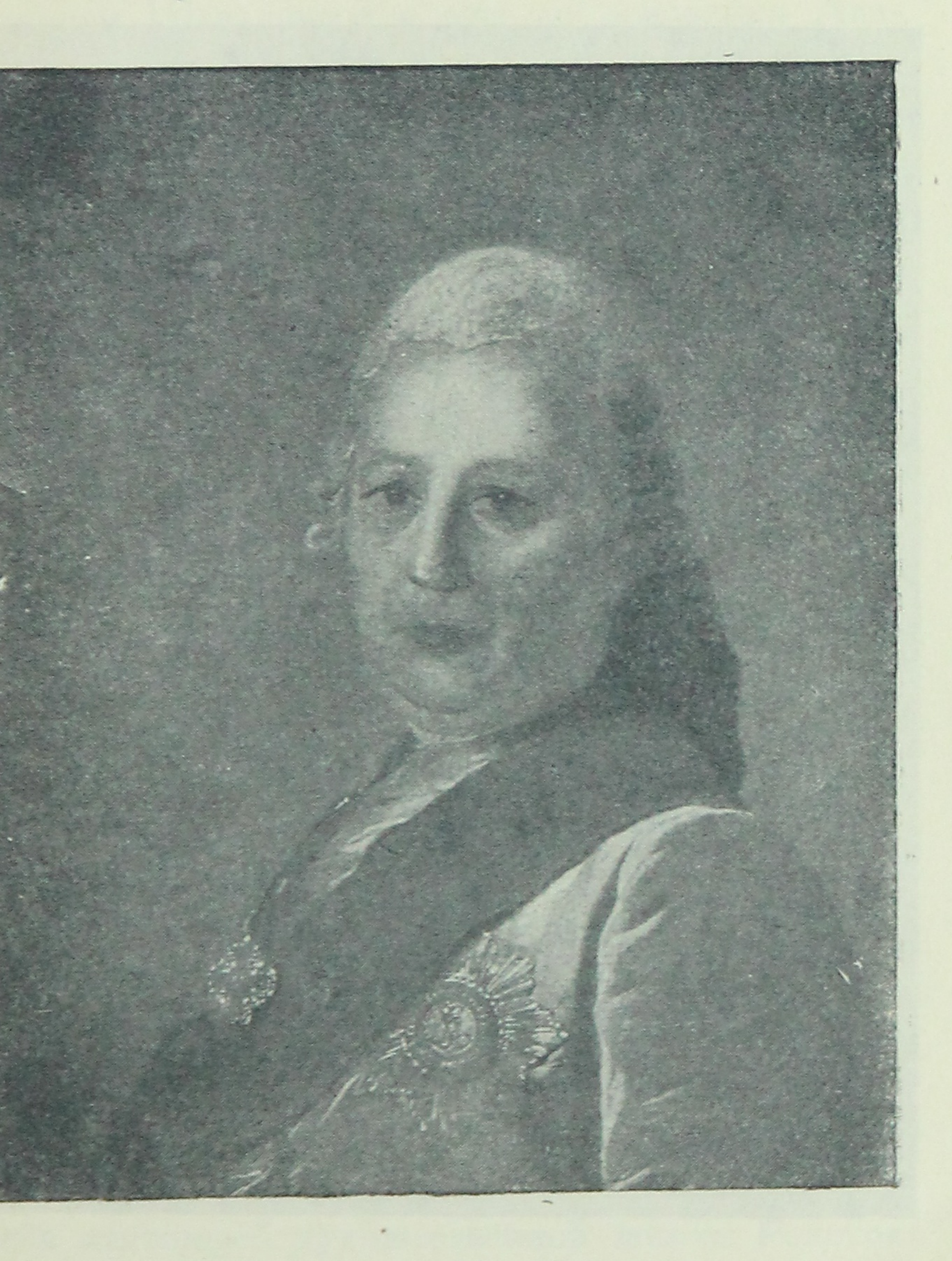
Рокотов — явление необыкновенное. Рассмотрению цикла произведений большого художника обычно помогают какие-нибудь мемуарные

сведения, письма, записи в дневниках, благодаря чему мы можем заглянуть во внутренний мир художника и иногда взглянуть на его творения его же глазами.

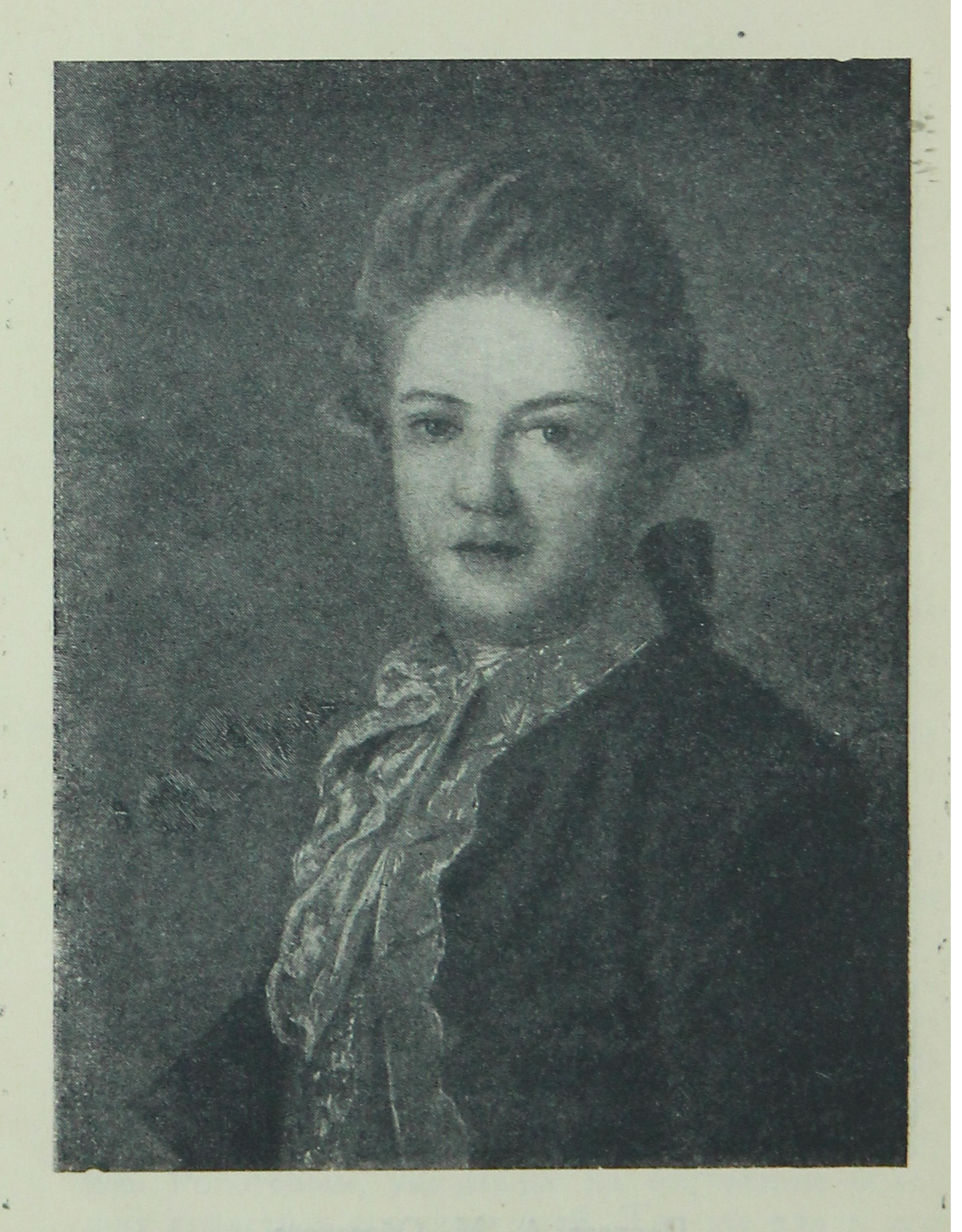
От Рокотова не осталось ничего, кроме немногих служебных «репортов» периода его молодости. Нет и характеризующих Рокотова отзывов его современников, кроме восторженного «Письма» к нему его друга — сумбурного поэта Н. Е. Струйского — и фразы «опекуна» Московского воспитательного дома Умского, досадующего на «спесь» Рокотова. Вся известность Рокотова создана его кистью. Эта волшебная кисть одержала победу над вековым забвением мастера, которого с удивлением «открыли» и полюбили историки искусств начала XX века и радостно и почтительно, как друга и учителя, приемлет искусство наших дней.

* * *

Мы не знаем ничего о рождении, детстве и ранней юности Федора Степановича Рокотова. С большими вероятиями только предполагаем, что родился он в середине или во второй половине 30-х годов XVIII века, что происходил он из дворян (псковских?), повидимому, небогатых, так как трудовая карьера, избранная юношей Рокотовым, указывает на отсутствие больших средств у его родителей. Так же как и его будущий сослуживец по Академии художеств и, может быть, друг — знаменитый русский гравер Чемесов, Рокотов был замечен поборником создания самостоятельной русской художествен-

Портрет А. М. Обрезкова

Портрет А. И. Воронцова

ной школы общеевропейского типа Иваном Ивановичем Шуваловым и еще до основания Академии был вхож в шуваловский дом. Он даже запечатлел Шуваловскую картинную галлерею на одной из ранних (1757?) своих работ «Кабинет И. И. Шувалова». Эта небольшая, сохранившаяся в копии картина по праву может считаться первым изображением «комнат» и одновременно первым изображением картинной галлереи, сделанным русским живописцем. Вся проникнутая особо интимным, мирным настроением, она предвещает дальнейшее «спокойствие» рокотовского творчества. Вместе с тем «Кабинет И. И. Шувалова» — почти единственное произведение, выделяющееся по сюжету из всего портретного наследия Рокотова. Только раз еще отвлекся он от портрета, написав в 1765 году для Академии художеств вольную копию с итальянской картины Л. Джордано «Венера и Амур», «представляющей венус лежащую». Может быть, еще раньше, чем «Кабинет И. И. Шувалова», 15 марта 1757 года, Рокотовым был написан небольшой, еще ученически неумелый портрет молодого человека, возможно Е. П. Чемесова, начинающий длинный ряд рокотовских портретов, очень скоро достигших высокого уровня и на протяжении почти тридцати лет все повышавшихся в качестве.

При отсутствии в России в середине XVIII века настоящей художественной школы Рокотов в силу обстоятельств должен был усиленно присматриваться к произведениям заграничных знаменитостей и иногда копировать их. Тем не

менее Рокотов настолько самостоятельная фигура, прелесть и оригинальность его творений так принадлежат только ему, что невозможно указать, чем же именно Рокотов зрелой поры обязан западным учителям, кроме общего высокого уровня живописной культуры.

Слава пришла к Рокотову еще в ученические годы. Уже в 1758 году Рокотов пишет портрет наследника престола, будущего императора Петра III. За этим портретом последовали детские портреты великого князя Павла (1761) и девочки Юсуповой, портреты И. И. Шувалова и его родственников, несколько портретов императора Петра III (1762), несколько портретов Екатерины II (1763), Г. Г. Орлова и его брата Ивана и т. д. Рокотова возят в Петергоф, производят за портрет Петра III в адъюнкты Академии, отправляют в Москву писать коронационный портрет Екатерины. Современник (академик Штелин), посетивший в 1764 году мастерскую Рокотова, увидел в ней около 40 портретов, «в которых были окончены одне головы». Это количество свидетельствует не только о блестящем успехе молодого живописца, но и о его громадной работоспособности: странно представить себе, что автор этих портретов, явно заваленный заказами, одновременно вел почти черную работу в Академии, куда он был (в 1760 году) определен личным приказом Шувалова. Адъюнкт Рокотов (в 1764 году) «имеет смотрение над классами и над учениками, наблюдая порядок и чистоту поведения и опрятность», получает деньги на довольствие учени-

ков пищей и отчитывается в их расходовании, получает свечи «для классов, в каморы, для стола и кухни» и т. д., за что и получает «300 рублиов» да квартирных 50 руб. в год. При введении нового устава Академии в 1765 году Рокотову, возведенному (28 июня) в звание академика «за оказанный опыт в живописном портретном искусстве», предложено было числиться в штате Академии «без жалованья». Естественно, художник, может быть, уже во время поездки на коронацию наметивший Москву поприщем для дальнейшей деятельности, покидает Академию и столицу и переезжает в Москву, где и проживает остальную, большую часть своей жизни.

* * *

Оглядываясь на уже пройденный Рокотовым путь, мы видим, что рисунок в его ранних работах жестковат, краски пестры... Люди с этих портретов простодушно смотрят на нас еще достаточно широко открытыми глазами... Фоны петербургских портретов, часто светлые и заполненные кое-какими «околичностями»,— не те таинственные фоны на позднейших «московских» портретах-симфониях, из которых выплывают задумчивые мужчины и дамы, снисходительно глядящие на нас загадочными взорами прищуренных глаз.

Несмотря на большой «спрос на Рокотова» в Петербурге в 1760-х годах, не эти годы, как считали недавно, апогей его славы. Вершиной рокотовского художества были 1779—1786 годы.

И не многоликий подражатель Рокотов, каким его тоже считали недавно, работал на Руси во второй половине XVIII века. Был Федор Степанович Рокотов, развивавшийся очень быстро и совершенно органически, с юных лет импонировавший своим современникам. Он замечен и «выращен» Шуваловым; это, вероятно, он — тот «Федор», которого избрал великий Ломоносов, чтобы скопировать для своей мозаики лицо Елизаветы «с самого лучшего»; его работы копируют товарищ юношеских лет К. И. Головачевский и более старший возрастом А. П. Антропов.

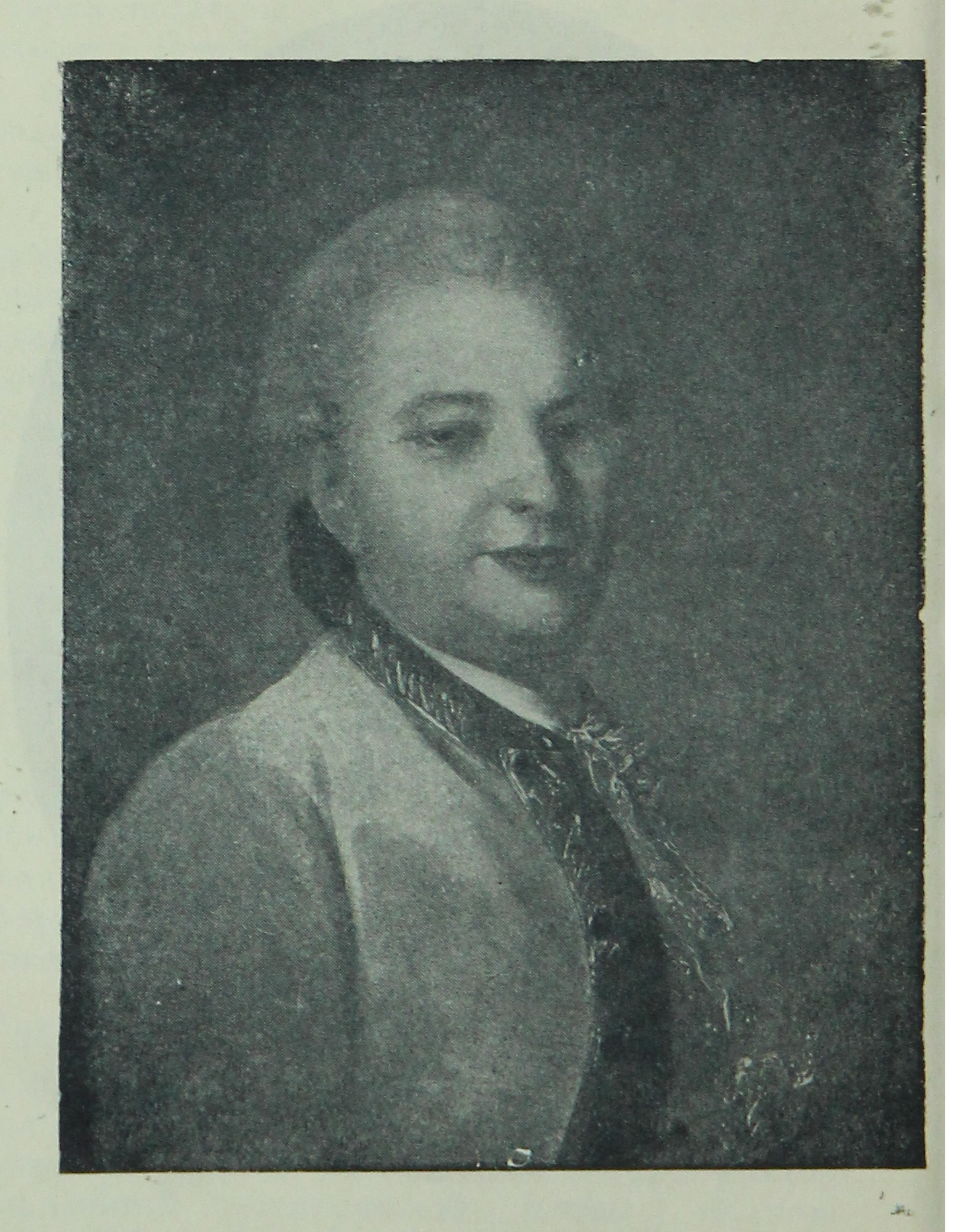
Отдельные рокотовские портреты, относящиеся к последним его петербургским годам, убедительно доказывают, что Рокотов, типичный автор позднейших погрудных интимных портретов, сложился еще в первой половине 1760-х годов. Некоторые люди, написанные, повидимому, в это время, изображены в обычных рокотовских поворотах, по-рокотовски прищуривающими глаза, с рокотовскими улыбками... В Москву приехал молодой, но уже вполне определившийся мастер. Кончились ученические годы. Началась жизнь «господина академика Рокотова».

* * *

Рокотов точно вернулся на родину. Он сразу прочно осел в Москве и так же сразу завоевал себе всемосковскую известность. Вероятно, вскоре по приезде написаны им портреты автора знаменитой сатирической поэмы «Елисей» В. И. Майкова и графа И. Л. Воронцова, а

Портрет А. П. Сумарокова

Портрет В. И. Майкова

также жены и старшего сына последнего, поражающие необыкновенной свободой живописи и великолепной характеристикой... Конечно, для москвичей приезд такого живописца был событием выдающимся, и они взапуски позируют Рокотову, которому платят баснословно низкие цены (50—100 руб.) по сравнению с ценами, выплачиваемыми Петербургским двором не только заезжим живописцам, но и отечественным.

На первых порах Рокотов еще сносится с Академией, вернее — Академия с ним, обращаясь с хозяйственными просьбами о покупке «в Москве делаемых живописных харьковых и бельих кистей» или «для краскотерной палаты плит скурантами». Расчет по покупкам ведется через Опекунский совет Московского воспитательного дома. Исполняет Рокотов и для самого Совета (в конце 1760-х годов) портреты его членов, видимо, нисколько не увлекаясь этой работой, так как все портреты «опекунов» не относятся к числу лучших его созданий. Вероятно, он просто отказался написать портрет жертвователя на постройку Воспитательного дома, знаменитого самодура П. А. Демидова, и член Опекунского совета Б. И. Умской писал по этому поводу Президенту Академии художеств Бецкому: «Пр. Ак. Демидова портрет иметь в Совете должны; как то сделать не знаем, да к тому ж и писать некому. Рокотов один, за славою стал спесив и важен». Письмо Умского, может быть, послужило поводом к совершенному охлаждению Академии к Рокотову, так как позже 1760-х годов намеков на

какую-нибудь переписку между ними не встречается. Более был в памяти Рокотов у двора; безусловно, несколько портретов самой Екатерины, ее сына, снохи и двух внуков написаны в 1780-х годах. В конце концов и многочисленные портреты императрицы, и опекунские, и прочие, где только виден намек на официальный заказ,— не настоящая стихия Рокотова. Они — только эпизоды в его работе.

* * *

Сфера, где Рокотов был самим собой, — это небольшие по размерам, интимные портреты по большей части ничем не знаменитых людей. Нам неизвестны имена по крайней мере половины лиц, написанных Рокотовым; из дошедших до нас имен значительная доля ровно ничего не говорит об их носителях. Но и то, что известно, указывает на большую популярность художника среди московского дворянства, которое одно только и могло в XVIII веке быть «потребителем» такого высокого искусства, как рокотовское. Рокотовские портреты характеризуют автора прежде всего как художника внутреннего мира человека. Те тончайшие душевные движения, которые отражаются на лицах рокотовских натурщиков, могли быть выражены только глубоким, наблюдательнейшим художником-психологом и требовали, безусловно, изучения или по крайней мере проникновенного угадывания душевного склада портретируемого. Рокотову не было причин смотреть на своих заказчиков снизу вверх: он — выходец из того

же сословия, с независимым положением; он — «г. академик» и московский домовладелец (в 1782 году) в приходе Никиты-мученика в Басманной[1]; он — такой же член «Английского клуба», как и другие; повидимому, член-основатель, подписавший свое имя под «Правилами Московского Английского Клуба» вместе с С. Гагариным, И. Орловым, Ю. Нелединским-Мелецким, Д. Хвостовым, Я. Чаадаевым и др. Кроме того, он пользуется восторженным поклонением образованных москвичей, чему доказательством служит «Письмо г. Академику Рокотову» Н. Е. Струйского.

«Письмо» Струйского свидетельствует еще и о необычайной быстроте работы Рокотова. Не потому ли так пленительны рокотовские портреты, что большинство их, вероятно, написано с личных знакомых, частью, может быть, с друзей художника? Судя по изображениям, превосходно чувствуют себя на необременительных сеансах натурщики Рокотова, как будто ведущие неторопливый, интересный разговор с умным собеседником-живописцем, которому в свою очередь не нужно много времени на распознавание внутренней «сути» партнера. Рокотов как будто любит персонально каждого позирующего; для каждого у него найдется нужный поворот, манера письма: то плавно струящимися, длинными гибкими мазками, то резкими, зигзагообразными, то рублеными, короткими, как удар шпаги. Для каждой фигуры живописец

[1] Вероятно, недолго, так как в «Указателе домовладельцев» Москвы 1793 года фамилии Рокотова уже нет.

создает свой особый мирок — фон, лучше которого нельзя вообразить. То топит Рокотов свои модели в теплом сумраке, из которого или выдвигается бледное лицо Струйского с фантастически горящими глазами, или выплывает недоброе лицо графини Санти; или чопорно возникает снисходительный призрак старухи Самариной; то с моцартовской легкостью на чем-то неопределенном по цвету неподражаемо набрасывается фигура И. Л. Воронцова, составляющая почти одно целое с фоном; то на жарком фоне как будто плавятся тяжелые черты желчного Обрезкова или мягкий облик А. И. Воронцова.

* * *

Писатель или художник, занятые историческими темами, вероятно, разочарованы тем, что «неизвестная» 1780 года теперь уже не «неизвестная», а всего-на-всего генерал-майорша Новосильцова. Вероятно, кто-нибудь дорого дал бы за то, чтобы узнать, кто изображен на изумительном по живописи портрете молодого красавца в треуголке (редчайший случай написания зрелым Рокотовым мужского головного убора). Большинству из нас, вероятно, безразлично, что Рокотовым был написан тот или другой забытый или вовсе безвестный москвич XVIII века.

Важно то, что Рокотов сказал свое слово о своих московских современниках и о русской культуре своего времени, слово, которое заставит нас несколько иными глазами посмотреть на свое прошлое.

Портрет Д. И. Уваровой

Кабинет И. И. Шувалова

Рокотов рассказал нам правду о екатерининских москвичах. Он создал целую портретную галлерею не чудаков и глупцов, а внутренне содержательных, добродушных или недобрых, умных и тонких людей старого века, давших родине и миру А. С. Грибоедова и великого А. С. Пушкина, Дениса Давыдова, П. А. Вяземского, Я. П. Чаадаева, Ф. И. Тютчева и др. Они же — эти современники Рокотова — сумели полюбить и оценить его благородное искусство, удивляющее нас своей неизменной культурностью. Очень показательно, что еще в молодости Рокотов написал несколько портретов своих сверстников, молодых писателей 1760-х годов — С. А. Порошина, С. Г. Домашнева, Г. Е. Ельчанинова, не считая более старшего В. И. Майкова. Эти портреты, безусловно, характеризуют круг знакомых молодого художника и его симпатии к среде литераторов и вообще интеллигенции, которые не ослабевают и в следующие десятилетия. Рокотовым написаны портреты Н. Е. Струйского и одной из центральных фигур нашей литературы XVIII века — знаменитого А. П. Сумарокова; в 1793 году появился портрет будущего директора Эрмитажа, обладателя огромной, замечательной по составу библиотеки — Д. П. Бутурлина. Кто знает, сколько еще рокотовских изображений известных в свое время просвещенных москвичей таится теперь под этикеткой «портрет неизвестного»?.. Рокотовское живописное наследие доказывает, что русское искусство Екатерининской поры не только нельзя считать отсталым;

напротив, можно говорить, что в лице Рокотова мировое искусство обогатилось художником-новатором в области интимного, психологического портрета. Правда, это новаторство очень долго не было оценено, тем не менее рокотовское художество, такое простое и такое глубокое, во многом предвосхитило идеи романтиков и реалистов следующего века.

* * *

Наш художник тем удивителен, что, не выезжая за пределы родины, не будучи даже знаком с картинами западных мастеров только еще возникающего Эрмитажа, он перекликается с самыми человечными, самыми задушевными портретистами XVII и XVIII веков, в первую очередь с англичанином Генсборо. Знаменитый британский портретист в особенности близок Рокотову. Просто изумительно, как на двух концах Европы возникли такие похожие друг на друга (в своем понимании портрета) художники-интимисты, поэты человеческого лица! Один из знатоков живописи, англичанин, посетивший Третьяковскую галлерею лет пятнадцать-двадцать назад, не удержался перед овальным портретом Новосильцовой от изумленного восклицания: «Генсборо?!»

* * *

Очень трудно представить себе внешний облик Рокотова. Он, очевидно, относился к числу художников, не любивших писать автопортреты. Вероятно, он был несколько похож на некоторых людей, им написанных: как многие ху-

дожники привносили и привносят в черты лиц своих натурщиков что-то, принадлежащее самим авторам, так, вероятно, и прищуренные, длинно разрезанные веки и сухощавое лицо с носом с горбинкой принадлежали самому Рокотову. Мы не знаем, был ли он добр; может быть, был, так как Струйский свидетельствует в одном из своих стихотворений о скорби Рокотова по своем ученике — крепостном Зяблове. Учеников у него было, повидимому, много, так как слишком часто попадались в подмосковных усадебных домах портреты «рокотовского типа», явно писанные не самим Рокотовым. Был ли женат? Оставил ли потомство? Вероятно, нет [1], так как объявление о смерти Рокотова поместили в № 8 «Московских ведомостей» от 27 января 1809 года «наследники, его родные племянники, отставной от артиллерии майор и штабс-капитан дети Рокотовы», проживавшие на Воронцовской улице [2].

Рокотов не дожил до 1812 года, и мы не можем судить об его отношении к нашествию «двунадесяти языков» на любимый им город. Вероятно, он переживал бы это нашествие, как переживали его многие лучшие русские люди— современники скорбей захвата и радости освобождения Москвы. Вероятно, как один из старейших членов «Английского клуба» Рокотов присутствовал 3 марта 1806 года на обеде, данном в клубе Москвой герою Шенграбенско-

---

[1] В документе 1865 года Рокотов числится неженатым.

[2] Этих домовладельцев в указателе 1793 года тоже нет.

го боя князю Петру Ивановичу Багратиону, так хорошо описанном Л. Н. Толстым. Может быть, славный живописец уже не работал в эти годы: последние известные его работы относятся к 1790-м годам.

Можно сказать, что грациозно-величавое искусство Рокотова было как бы засыпано пеплом московского пожара 1812 года. Новая, послепожарная Москва нашла своего изобразителя в лице В. А. Тропинина, появившегося в ней в 1813 году. Рокотов, проработав со славой больше трех десятилетий и погружаясь в забвение, передал Тропинину кисть и честь писать москвичей новой эпохи. Забвение наступило быстро. Умершего «академика живописи портретной» Рокотова в петербургских «Месяцесловах» на 1809—1812 годы все еще продолжали печатать в числе живых в «общем штате» Российской империи. В 1860-х годах уже присяжные знатоки истории искусств печатают о нем небылицы, вызывающие больше чем недоумение. Но рокотовские творения, затаившиеся в тиши старомодных комнат, хотя и потерявшие многих товарищей, погибших от дряхлости или варварских реставраций, все же дожили до нового рождения их автора. Обновленные, они показали нам всю красоту чудесного художества старого московского мастера, воспоминание о котором заставляет нас с горделивой радостью произносить имя: «Рокотов».

10-00

1 руб.